

В ОБЪЯТИЯХ НЕКРОМАНТА

АЛЕКС СЕРЕБРОВ

18+

Алекс Серебров

В объятиях некроманта

«Автор»

2026

Серебров А.

В объятиях некроманта / А. Серебров — «Автор», 2026

Я пришла к нему от отчаяния, а стала его наваждением. Он — Каэлан Мортис, бессмертный Магистр Смерти. Она — Элара, девушка с даром, ставшим проклятием. Лишившись всего, Элара ищет спасения в Шпилях Ночи. Для жестокого некроманта она — лишь сосуд с редкой кровью, инструмент для темных изысканий. Но запретный ритуал выходит из-под контроля, намертво связывая их души. Ледяная броня Магистра трещит по швам. Тот, кто сотни лет привык лишь повелевать, осознает: эта хрупкая смертная стала для него всем. Тем временем башню берет в осаду Орден Очищающего Пламени. Инквизиторы готовы предать Элару костру, чтобы уничтожить колдуна. Но они не знают: ради той, что растопила его замерзшее сердце, Магистр Смерти сожжет этот мир дотла. В книге вас ждут:— Властный и очень опасный некромант— Нежная, но несгибаемая героиня— От острой ненависти до одержимости— Противостояние с инквизицией

© Серебров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алекс Серебров

В объятиях некроманта

Глава 1

Элара

Земля под ногами была жесткой, промерзшей. Каждый шаг отдавался глухим эхом в пустоте, которая раскинулась там, где когда-то билось мое сердце. Я стояла у края свежерытой ямы, и холодный октябрьский ветер хлестал по щекам, но я его не чувствовала. Не чувствовала ничего.

Священник что-то бормотал о вечном покое. Его голос доносился как через толщу воды — размыто, бессмысленно. Слова терялись в воздухе, не достигая моей души. Там, внутри, было пусто. Выжжено дочерна.

Я смотрела на деревянную крышку гроба, потемневшую от сырости. Мать лежала там, в этом узком ящике, и больше никогда не скажет мне "доброе утро". Никогда не погладит по волосам перед сном. Никогда не защитит от шепота соседок и их косых, полных страха взглядов.

— Земля к земле, прах к праху, — монотонно произнес священник, и его слова прорезали мое онемение острым, как бритва, пониманием.

Конец.

Я наклонилась и зачерпнула горсть холодной, комковатой земли. Глина была мокрой, липкой, пахла сыростью и тленом. Между пальцев просачивались мелкие камешки. Я подняла руку над могилой и разжала пальцы.

Ком упал на крышку гроба с глухим, окончательным стуком.

Этот звук был громче церковных колоколов. Громче всех молитв, что когда-либо звучали в этой деревне. Это был звук двери, захлопнувшейся навсегда. Звук конца той жизни, в которой я была чьей-то дочерью, где у меня был дом и место в этом мире.

Теперь я была никем.

Люди начали расходиться. Соседи бормотали положенные слова соболезнования, но их глаза говорили другое. В них читалось облегчение. Ведьмы больше нет. Осталась только я, ее странная дочка, но что со мной делать — не их забота. Пусть сама разбирается со своим проклятым наследством.

Я стояла, пока последний посетитель не скрылся за калиткой кладбища. Ветер усилился, принося запах дыма из труб и горечь опавших листьев. В воздухе висела влага — к вечеру пойдет дождь. Мать всегда говорила, что дождь в день похорон — к долгой памяти.

Глупости. Мать говорила много глупостей. Но теперь некому было их говорить.

Я развернулась и пошла к дому. К избе, которая больше не была домом.

Внутри пахло поминальной кутьей и чужим горем. Стол ломился от еды, которую принесли соседки — по обычаю, по долгу, но не от сердца. Тяжелые запахи мяса и каши смешивались с ладаном и воском от свечей. Я села на лавку у окна и смотрела, как люди едят и говорят приглушенными голосами.

Они были здесь, в моем доме, но я чувствовала себя призраком. Невидимой тенью, которая случайно забрела на чужой праздник жизни.

— Девка-то совсем потерялась, — прошептала Марфа, соседка справа, думая, что я не услышу. — Как теперь жить будет? Ремесла никакого не знает, замуж ее не возьмут. Кто ж на ведьмину дочь решится?

— Тише ты, — одернула ее Праскева. — Мало ли что девка услышит.

Ведьмина дочь. Я машинально посмотрела на свои руки. Тонкие, длинные пальцы. Обычные руки девятнадцатилетней девушки. Но соседки боялись их с детства. Боялись того, как засохшие цветы в моих ладонях вспыхивали новыми красками, как семена прорастали от одного моего прикосновения. Боялись той странной теплоты, которая исходила от меня, когда я гладила больных животных.

"Дар", — называла это мать. "Божье благословение".

Соседки называли иначе.

А теперь мать умерла, и дар никуда не делся. Он был со мной — этот непонятный, пугающий их всех огонек жизни, который горел в моей крови. И что с ним делать, я не знала.

Я встала с лавки и прошла на кухню, где на столе лежал хлеб. Я разломила краюшку, но есть не могла. Во рту был вкус пепла. Все имело вкус пепла.

— Элара, дитя мое.

Голос был тихим, осторожным. Я обернулась и увидела Агну — старую повитуху, которая принимала роды в деревне уже сорок лет. Морщинистое лицо, выцветшие глаза, руки, пахнущие травами и тайнами.

— Я знала твою мать еще девочкой, — продолжила Агна, подходя ближе. — И знаю, что досталось тебе от нее в наследство.

Я молчала. У меня не было сил на разговоры.

Агна оглянулась, убедилась, что нас никто не слышит, и наклонилась к самому моему уху. Ее дыхание было горячим, с привкусом полыни.

— Твоя сила теперь без присмотра, дитя. Она пожрет тебя изнутри, если не найдешь, кто научит с ней обращаться. — Голос старухи стал еще тише, превратился в едва слышный шепот. — Или иди в монастырь молить о прощении за то, чем не виновата. Или ищи того, кого даже боги боятся называть по имени.

Я вздрогнула. В груди что-то больно кольнуло — первое живое ощущение за весь день.

— Ищи Мортиса, — прошептала Агна. — Каэлана из рода Мортис. Он живет там, где кончается земля живых и начинается царство теней. В Шпилях Ночи. Он — последний, кто помнит древние пути.

— Некромант? — Я наконец нашла свой голос. Он прозвучал хрипло, незнакомо.

— Он тот, кто ведет танец между жизнью и смертью. И ты, девочка, застряла между этими мирами. — Агна выпрямилась и оглядела меня с ног до головы. — Выбирай. Медленная смерть здесь или опасная жизнь там. Другого пути нет.

Старуха сунула руку в карман своего поношенного платья и достала что-то маленькое. Я почувствовала, как сухие, шершавые пальцы Агны сомкнулись вокруг моей ладони, вкладывая в меня предмет.

— Она покажет скрытую правду, когда ты перестанешь понимать, где свет, а где тьма, — прошептала Агна.

Я посмотрела на свою раскрытую ладонь. На ней лежала крошечная деревянная чаша, не больше наперстка. Темное дерево было испещрено старыми рунами, вырезанными с такой тщательностью, что они казались живыми. Чаша была теплой, словно хранила тепло рук того, кто держал ее до этого.

Когда я подняла взгляд, Агна уже развернулась и уходила, растворяясь среди гостей. А я осталась стоять посреди кухни, и внутри меня что-то ожило. Не надежда — слишком большое слово. Просто крошечная искра в абсолютной тьме. Ядовитая, безумная, запретная.

Но живая.

Поминки закончились с заходом солнца. Люди разошлись, оставив после себя грязную посуду и липкий запах чужого присутствия. Я собрала тарелки, вымыла их в холодной воде из ведра. Руки двигались сами собой, по привычке, а мысли кружились вокруг слов Агны.

Каэлан из рода Мортис. Шпили Ночи.

Мать никогда не говорила про некромантов. Но иногда, поздними вечерами, когда думала, что я сплю, она шептала молитвы не к светлым богам. Шептала что-то про равновесие, про границы между мирами, про тех, кто служит переходу.

Я всегда делала вид, что не слышу. Но слышала.

Теперь я села на материнскую кровать — единственную в доме — и попыталась представить, что будет завтра. Послезавтра. Через неделю.

Деньги кончатся через месяц. Еды хватит на две недели, если экономить. Соседи помогать не станут — бояться. В монастырь меня, может, и возьмут, но там придется скрывать свой дар всю жизнь, давить его, пока не зачахнет. А вместе с ним зачахну и я сама.

Медленная смерть здесь или опасная жизнь там.

Я встала и подошла к окну. За стеклом сгущались сумерки. Где-то там, далеко на севере, за лесами и горами, стояли Шпили Ночи. Башня некроманта. Последнего некроманта.

Я коснулась стекла ладонью. Холодное, гладкое. Как поверхность озера, в которое страшно нырять, но еще страшнее стоять на берегу и медленно умирать от жажды.

Выбора не было.

Вернее, выбор был, но все варианты вели в одну сторону — прочь отсюда. Прочь от этой деревни, которая отвернулась от меня раньше, чем я успела попрощаться. Прочь от могилы матери, от пустого дома, от жизни, которая кончилась вместе с последним комом земли на гробовой крышке.

Я открыла сундук в углу комнаты и достала старое дорожное платье матери — простое, серое, теплое. Рядом лежали материнские украшения — серебряная цепочка с подвеской в виде листа, кольцо с темным камнем. Немного, но хватит, чтобы купить еды в дороге.

Я собрала все в небольшой узелок. Хлеба на несколько дней, сыр, немного соленого сала. Сменное белье. Плащ. Материнский молитвенник — не потому что верила, но потому что так было правильно. И маленькую деревянную чашу от Агны, которую я бережно завернула в лоскут ткани и спрятала в самый потайной карман.

Когда все было готово, я села за стол и написала записку. Коротко, без объяснений: "Ушла. Дом оставляю соседям. Пусть делают с ним что хотят."

Подписывать не стала. Подписи мне больше не нужны.

Ночь была темной, безлунной. Я вышла из дома и не оглянулась. За спиной остались детство, материнская любовь, безопасность. Впереди была неизвестность, опасность и тонкая, как паутинка, надежда на то, что где-то есть место, где мой дар не будет проклятием.

Дорога раздваивалась у старого дуба. Правая тропа вела к монастырю — к смирению, молитвам и медленному угасанию. Левая уходила на север, в темноту, к горам, где жил человек, которого боялись даже боги.

Глава 2

Элара

Неделя пути превратилась в размытое пятно боли и усталости. Дни сливались в один бесконечный шаг за шагом, ночи — в попытки согреться у жалких костров, разведенных из сырых веток. Хлеба почти не осталось. Сыр покрылся плесенью, но я все равно его ела, соскабливая зеленоватый налет ногтем.

Ноги горели. Материнские сапоги оказались мне велики, и кожа на пятках растерлась в кровь уже на третий день. Каждый шаг отдавался острой болью, но я шла. Потому что позади был только пепел сожженной жизни, а впереди — хотя бы призрак надежды.

Дорога становилась все более дикой. Сначала исчезли указатели, потом — следы телег. Тропинка сузилась до звериной тропы, петляющей между соснами и березами. Я видела иногда дым далеких деревень, но не сворачивала к ним. Люди везде одинаковы. Везде боятся того, чего не понимают.

К седьмому дню еда кончилась совсем. Я пила воду из ручьев, жевала кислые ягоды, которые находила в зарослях. Желудок скручивало от голода, в глазах плыли черные точки, но я упрямо шла вперед. Север звал меня — не географически, а чем-то более глубоким, первобытным. Словно невидимая нить тянула меня туда, где кончался привычный мир и начиналось что-то иное.

И вот, когда солнце достигло зенита восьмого дня, я почувствовала, что пересекла невидимую границу.

Лес изменился.

Сначала я не могла понять, что именно стало не так. Деревья остались деревьями, земля — землей. Но что-то в воздухе стало... густым. Тяжелым. Будто я шла не по лесу, а по дну высохшего моря, где даже свет падал по-другому.

Потом я поняла.

Тишина.

Абсолютная, мертвая тишина, какой не бывает в живом лесу. Не слышно было ни пения птиц, ни шороха мелких зверьков в подлеске, ни жужжания насекомых. Даже ветер здесь замолк. Мои собственные шаги казались оглушительными в этой пустоте.

Я остановилась, присматриваясь к окружающему пейзажу. Деревья... Господи, что случилось с деревьями? Стволы искривились, словно их скручивали в агонии. Ветви росли не вверх, к свету, а в стороны, переплетаясь в жуткие узлы, похожие на костлявые пальцы, сжимающиеся в кулаки. Листья были не зелеными, а сероватыми, будто покрытыми пеплом.

А между корнями стелился туман — не обычный, утренний, а какой-то неестественный. Плотный, переливчатый, с зеленоватым отливом. Он не рассеивался под лучами солнца, а, наоборот, казался живым. Иногда я замечала, как клочки тумана медленно ползут ко мне, словно пытаюсь обнюхать.

На стволах деревьев светился мох. Нет, не просто светился — горел холодным, синеватым огоньком, как будто в каждой ворсинке жила крошечная звезда. Красиво. Завораживающе. И абсолютно противоестественно.

Я сделала неуверенный шаг вперед, потом еще один. С каждым движением ощущение чьего-то взгляда усиливалось. Не одного — множества. Тысячи невидимых глаз следили за мной из каждой тени, из каждого изгиба корня, из глубины тумана. Они не были враждебными, эти взгляды. Скорее... любопытными. Изучающими.

Кожа на затылке покрылась мурашками. Я обернулась — никого. Обернулась снова — пустота. Но ощущение не проходило.

Я шла уже час, когда увидела его.

Ворон сидел на сухой ветке прямо передо мной. Огромный, размером с ястреба, абсолютно черный. Перья поглощали свет, не отражая ни единого блика. Но больше всего поражали глаза.

Они не были черными, как у обычных воронов. Они были прозрачными, ледяными, словно выточенные из горного хрусталя. И светились изнутри холодным, голубоватым огнем. Эти глаза смотрели на меня не так, как смотрят птицы. В них была разумность. Древняя, холодная разумность, перед которой мои девятнадцать лет казались мгновением.

Ворон не каркал. Не шевелился. Он просто сидел и смотрел, и я понимала, что это не птица. Это... что-то другое. Что-то, что использовало птичье тело, чтобы наблюдать за мной.

Хозяин этих земель смотрел на меня.

Холод пробежал по спине. Я попыталась отвести взгляд, но не смогла. Ледяные глаза ворона удерживали меня, изучали, взвешивали. Что они видели? Испуганную девчонку, которая забрела туда, где ей не место? Или что-то еще?

Наконец ворон медленно повернул голову и взлетел. Беззвучно, как тень. Я проводила его взглядом, пока черный силуэт не растворился в сером небе.

Я поняла — меня приняли к сведению. Хозяин знает, что я иду.

Лес закончился так же внезапно, как и начался. Я поднялась на невысокий холм, и легкие сковал спазм.

Передо мной простиралась долина, окутанная вечным сумраком. Небо над ней было серым, низким, словно каменный свод пещеры. Но не это заставило мое сердце остановиться.

В центре долины возвышалась башня.

Нет, не возвышалась — пронзала. Игла из черного камня, настолько темного, что он поглощал свет. Она уходила вверх, теряясь в низких облаках, и казалось, что это не человеческое строение, а нечто, выросшее из самой земли. Как сталактит, только перевернутый.

Стены башни были идеально гладкими, без единой трещины или шва. Ни окон, ни выступов, ни украшений. Только безупречная, пугающая геометрия — цилиндр из материала, который не встречается в природе. Обсидиан? Нет, обсидиан блестит. Это был камень, который пожирал свет.

А у основания башни я различила ворота. Даже с расстояния они казались огромными — прямоугольный вырез в стене, достаточно широкий, чтобы в него проехала целая повозка. И такой же черный, как сама башня.

Я начала спуск в долину. Каждый шаг давался все труднее — не от усталости, а от какого-то внутреннего сопротивления. Словно я шла против невидимого течения. Воздух здесь был плотным, наполненным запахами, которым не было названия. Озон, как после грозы, но смешанный с чем-то металлическим. Холод, который шел не от температуры, а от самой сути этого места.

Трава под ногами была другой — серо-зеленой, жесткой. Некоторые травинки светились тем же холодным огнем, что и мох в лесу. Цветов не было. Только эта странная, мертво-живая растительность.

По мере приближения к башне детали становились яснее. Ворота были действительно огромными — метров пять в высоту и три в ширину. Их поверхность была абсолютно гладкой, без единого выступа или углубления. Ни ручек, ни замочных скважин, ни даже щели между створками. Они выглядели как цельный кусок камня, в котором кто-то прорубил идеально прямоугольное отверстие, а потом заткнул его заподлицо.

Я подошла к воротам и замерла. Теперь, стоя рядом, я чувствовала исходящую от башни силу. Не враждебную, но колоссальную. Будто рядом дремлет огромный зверь, который может проснуться в любой момент.

Я подняла руку и постучала в ворота.

Звук получился странный — не звонкий металл и не глухое дерево. Что-то среднее, приглушенное. Словно я стучала в стену подземной пещеры.

Ответа не было.

— Откройте! — крикнула я, и мой голос эхом прокатился по долине. — Пожалуйста, я прошла такой долгий путь!

Тишина.

— — Меня зовут Элара Велесова! Меня послала Агна, повитуха из моей деревни! Она сказала, что здесь живет... живет тот, кто может мне помочь!

Снова тишина. Плотная, давящая, полная скрытых смыслов.

Паника начала подкрадываться ко мне. Неужели я прошла этот ужасный путь напрасно? Неужели никого нет дома? Или... или хозяин башни просто не желает со мной разговаривать?

— Пожалуйста! — мой голос сорвался, стал жалким, отчаянным. — У меня больше никого нет! Мне некуда идти!

Ворота молчали.

Я прижалась лбом к холодной, гладкой поверхности и закрыла глаза. Слез не было — они высохли еще в дороге. Была только пустота, которая грозила поглотить меня целиком.

Так вот и все? Конец?

Нет.

Что-то внутри меня взбунтовалось против этой мысли. Я не из тех, кто сдается. Мать не вырастила меня сдающей. Если ворота не отвечают на стук и крик, то...

Я отстранилась от ворот и посмотрела на свою правую руку. Тонкие, длинные пальцы. Та самая рука, которая оживляла засохшие цветы и лечила раненых зверей. Та самая рука, которой боялись соседи.

Может быть, дело не в словах?

Я вытянула руку и медленно, осторожно приложила ладонь к поверхности ворот.

И все изменилось.

Холодный камень под моей кожей внезапно... откликнулся. Не потеплел, нет. Но словно ожил. Будто я коснулась не мертвого камня, а чего-то спящего, что внезапно проснулось от моего прикосновения.

Под ладонью побежали огоньки. Сначала едва заметные, словно искорки света под водой. Потом ярче. Это были руны — древние символы, вырезанные в камне так мелко, что их невозможно было различить глазом. Но теперь они светились, отзываясь на что-то во мне.

Я затаила дыхание. Руны складывались в узоры, узоры — в слова на языке, который я не знала, но каким-то образом понимала. Они говорили о признании. О разрешении. О... любопытстве.

Башня изучала меня так же, как я изучала башню.

И внезапно, с низким, гулким звуком, который я скорее почувствовала костями, чем услышала ушами, ворота начали открываться.

Медленно. Величественно. Словно просыпался древний механизм, который дремал веками. Створки расходились в стороны с жутким скрежетом камня по камню, и этот звук был похож на движение континентальных плит.

За воротами зияла тьма. Не простая тьма — отсутствие света, а что-то более плотное, осязаемое. Воздух оттуда пах пылью, временем и тайнами.

Я сделала шаг назад, инстинктивно испугавшись. Ворота продолжали открываться, пока не распахнулись полностью, обнажив огромный зал. Тусклый свет с улицы проникал туда лишь на несколько метров, дальше начиналась непроницаемая чернота.

Но в этой черноте что-то двигалось.

Сначала я подумала, что это игра света и тени. Но нет — из глубины зала ко мне приближалась фигура. Огромная, массивная,двигающаяся с механической плавностью.

Я отступила еще на шаг, готовая бежать. Но было уже поздно. Фигура вышла на свет. Это был не человек.

Голем возвышался передо мной, как гора. Два метра роста, а может, и больше. Тело, выточенное из серого камня с удивительным мастерством — каждая мышца, каждая складка одежды были проработаны с анатомической точностью. Лицо строгое, красивое, но совершенно лишённое всякого выражения. Глаза — два углубления в камне, заполненные тьмой.

На груди голема была выгравирована руна — сложный символ, который светился тем же холодным огнем, что и руны на воротах. Руна жизни. Или того, что заменяло жизнь в этом создании.

Голем остановился в двух метрах от меня и застыл. Не дышал — дышать ему было не нужно. Не моргал — у него не было глаз в человеческом понимании. Просто стоял и ждал.

Я посмотрела на него, потом на открытые ворота, потом снова на него. Что я должна была делать? Что говорить каменному стражу?

— Я... я ищу вашего хозяина, — прошептала я. — Каэлана Мортиса.

Голем не ответил. Возможно, не мог отвечать. Но в его неподвижности не было угрозы. Скорее... ожидание. Словно он ждал, какой выбор я сделаю.

Войти или уйти.

Я посмотрела назад, на долину, на лес, на мир, из которого пришла. Туда, где меня ждали только голод, холод и медленная смерть.

Потом я посмотрела в темноту зала, где меня ждало неизвестное.

Выбор был очевиден.

Глава 3

Каэлан

Тишина была моим старым другом.

Я сидел в кресле из черной кожи, обтянутом шкурой существа, чье имя забыли еще до падения Первой Империи. В руке — хрустальный бокал с вином цвета запекшейся крови. Терпкий, горький напиток, который смертные не смогли бы выпить, не свихнувшись. Но мои мертвые вкусовые рецепторы требовали именно таких крайностей, чтобы хоть что-то почувствовать.

Огонь в камине потрескивал, пожирая поленья из дерева, которое росло только в проклятых землях. Синеватые язычки пламени отбрасывали причудливые тени на стены, заставляя древние фолианты на полках казаться живыми, дышащими. Запах гари смешивался с ароматом остывших благовоний — мирры, драконовой крови, измельченных костей саламандры.

Пыль. Повсюду была пыль. На корешках книг, которые я не открывал месяцами. На алхимических приборах, застывших в ожидании экспериментов, что больше не интересовали меня. На моей собственной душе, если таковая у меня еще имелась.

Время текло мимо меня, как вода мимо камня. Годы превращались в десятилетия, десятилетия — в века. Я помнил закат империй и рождение новых королевств, видел, как меняются языки и религии, как боги сменяют друг друга на небесных престолах. И все это было мне безразлично.

Бессмертие, как оказалось, было самым изощренным проклятием. Вечная жизнь означала вечную скуку. Когда ты видел всё, знал всё, пережил всё — что остается? Только пустота, что зияет там, где когда-то билось сердце.

Я поднес бокал к губам и сделал глоток. Вино обожгло горло, но не принесло никакого удовлетворения. Даже боль стала пресной.

Я откинулся в кресле и закрыл глаза. Может быть, стоило погрузиться в очередной магический транс? Провести несколько лет в медитации, пытаюсь найти ответы на вопросы, которые перестали меня волновать? Или заняться алхимией — создать новый эликсир, который убьет меня или, наоборот, вернет способность чувствовать?

Я уже пробовал и то, и другое. Результат был предсказуем — ничто.

Внезапно что-то изменилось.

Я почувствовал это всем своим существом — легкое нарушение в защитном периметре башни. Чья-то чужая воля коснулась внешней границы моих владений, словно палец, проведенный по струне.

Я не открыл глаз. Не стоило волноваться из-за такой мелочи.

Еще одна идиотка, поверившая сказкам о могущественном некроманте. Еще один мотылек, летящий на пламя и думающий, что огонь создан для того, чтобы согреть его крылышки. Они приходили каждые несколько лет — отчаявшиеся, жаждущие силы, власти, бессмертия. Не понимая, что всё это — проклятие.

Обычно мои защитные чары убивали непрошенных гостей еще на подходе к башне. Реже кого-то пропускали дальше, до самых ворот. Но результат всегда был одинаков — либо смерть, либо безумие от соприкосновения с силами, которые не предназначены для смертного разума.

Я лениво взмахнул рукой, активируя обсидиановое зеркало на противоположной стене. Поверхность темного стекла замерцала, как гладь пруда, по которой побежала рябь, а затем в ней проступило изображение.

Девчонка. Молодая, измученная долгой дорогой, в рваном платье и стоптанных сапогах. Рыжевато-каштановые волосы, кожа бледная от усталости и голода. Обычная смертная, которая по глупости забрела туда, где ей не место.

Она стояла перед воротами моей башни и что-то кричала. Я не стал напрягаться, чтобы слышать слова — они всегда кричали одно и то же. Мольбы, угрозы, обещания. Пустота.

Я сделал еще глоток вина и приготовился к короткому, но знакомому спектаклю. Сейчас она приложит руки к воротам, древние защитные руны вспыхнут синим пламенем, и от нее останется лишь горстка пепла. Или, в лучшем случае, она сбежит, безумная от ужаса.

А я вернусь к своему вину и вековой скуке.

Девчонка действительно протянула руку к воротам. Я даже не стал смотреть — я видел эту сцену сотни раз. Вместо этого я изучал языки пламени в камине, размышляя, не добавить ли в огонь костей единорога. Они горели красивым фиолетовым светом и пахли забытыми снами.

Но вспышки не было.

Я нахмурился и перевел взгляд на зеркало. Девчонка всё еще стояла у ворот, и ее рука покоилась на черной поверхности камня. Она была жива. Более того — руны на воротах светились. Но не тем ледяным синим светом, который означал активацию защитных чар.

Они светились теплым, золотистым сиянием.

Бокал выскользнул из моих пальцев и с мелодичным звоном разбился о каменный пол, расплескав вино цвета крови. Я не заметил этого. Всё мое внимание было приковано к зеркалу.

Этого не может быть.

Руны Отвержения должны были испепелить любого, кто осмелится коснуться ворот без моего разрешения. Эти заклинания создавались веками, питались моей собственной силой, были настолько мощными, что могли убить архидемона. И они не просто не сработали — они отозвались на прикосновение смертной девчонки, словно на... призыв.

Я поднялся с кресла, мой черный плащ взметнулся, словно крылья ночной птицы. Я приблизился к зеркалу и всмотрелся в изображение, активируя более глубокие слои наблюдения.

То, что я увидел, заставило мое мертвое сердце дрогнуть.

Аура девчонки была... неправильной. У магов аура горела — ярким пламенем силы, которое пожирало энергию вокруг себя. У обычных смертных она тлела, как угольки костра. У жрецов светилась ровным белым светом.

А у этой девчонки аура *пела*.

Я видел это впервые за все века своего существования. Ее жизненная энергия не горела и не светилась — она резонировала, создавая волны, которые расходились от нее концентрическими кругами. И эти волны не разрушали и не поглощали. Они... гармонизировали.

Древние защитные руны откликнулись на ее прикосновение не как на атаку, а как на попытку настроить расстроенный инструмент. Ее дар автоматически сгладил их агрессивность, превратил защитные заклинания в нечто более мягкое, приветливое.

Резонатор.

Слово всплыло в моей памяти из глубин забытых знаний. Я читал о таких в древних трактатах, написанных еще до Великого Разделения, когда магия жизни и смерти считались двумя сторонами одной медали. Резонаторы были мостом между мирами живых и мертвых, существами, способными гармонизировать энергии, которые обычно уничтожали друг друга при соприкосновении.

Их называли живым лекарством.

Я коснулся холодного стекла зеркала пальцем. По моим венам текла энергия смерти — чистая, концентрированная, ледяная. Она давала мне силу, но также и проклинала вечным холодом. Я не чувствовал тепла солнца, не знал, что такое живое прикосновение кожи к коже. Мой мир состоял из льда и тьмы.

А эта девчонка... она могла изменить это. Ее дар мог гармонизировать мою энергию смерти с энергией жизни, создать равновесие, которого я не знал уже сотни лет. Она могла стать не просто ученицей — она могла стать моим спасением.

Или моей погибелью. Резонаторы были могущественны, но нестабильны. Если она не научится контролировать свой дар, он уничтожит ее. А вместе с ней — и любого, кто будет рядом.

Я отстранился от зеркала, мой разум лихорадочно анализировал возможности. Я мог позволить воротам убить ее — это было бы безопаснее. Мог прогнать, если она каким-то чудом выживет. Мог просто игнорировать.

Но тогда я потеряю единственный шанс за последние триста лет почувствовать себя живым.

В зеркале девчонка отстранилась от ворот, и они начали медленно открываться. Механизм заработал плавно, безупречно — как и должны были работать ворота, когда их открывали правильным образом. Девчонка сделала то, на что не был способен ни один маг за всю историю башни — она не сломала защиту, а уговорила ее пропустить.

Я ощутил, как в моей груди шевелится что-то, чего не было уже очень давно. Не сердце — оно молчало. Нечто более глубокое, первобытное. Интерес.

Холодный, расчетливый, хищный интерес ученого, который внезапно обнаружил новый, неизвестный вид.

Я больше не скучал.

Я взмахнул рукой, и зеркало погасло. Затем я направился к выходу из библиотеки, мои шаги эхом отдавались от каменных стен. Башня знала мои намерения и услужливо освещала путь — факелы сами собой вспыхивали передо мной и гасли за спиной.

Впервые за десятилетие я покидал свои покои не из необходимости, а из любопытства.

Коридоры башни тянулись бесконечно, поворачивая и ветвясь, как кровеносная система гигантского организма. Обычно я использовал магию, чтобы мгновенно перемещаться между этажами, но сейчас я шел пешком, наслаждаясь редким ощущением предвкушения.

Что я увижу в ней вблизи? Страх? Благоговение? Обычное человеческое безрассудство? Или что-то еще — искру того самого дара, который заставил древние заклинания петь вместо того, чтобы убивать?

Я спустился по витой лестнице, ведущей в главный зал. Мои шаги не издавали ни звука — тень не имеет веса, а я уже давно был скорее тенью, чем человеком. Внизу, у входа, я видел два силуэта — Тавиана, моего каменного слуги, и девчонку.

Она стояла в нерешительности, не смея войти до конца, но и не желая отступить. Хрупкая фигурка на фоне массивных ворот, которые уже начали закрываться за ее спиной. Скоро она окажется в ловушке — в моих владениях, под моей властью.

Я остановился в тени одной из колонн и некоторое время просто наблюдал. Даже в темноте я видел ее ауру — мерцающую, переливающуюся, живую. Она пульсировала в ритме ее дыхания и сердцебиения, создавая узоры, которые завораживали мои мертвые чувства.

Красивая. Не в смысле внешности — хотя и это тоже. Красивая в том смысле, в каком красивы редкие кристаллы или идеальные математические формулы. Уникальная. Бесценная.

И совершенно беззащитная.

Ворота закрылись с глухим грохотом, и зал погрузился в почти полную темноту. Девчонка вздрогнула, инстинктивно прижавшись к стене. Ее дыхание участилось — я слышал каждый вдох, каждое биение ее сердца. Страх. Естественная реакция.

Но она не закричала. Не побежала к воротам, царапая их ногтями в бесполезных попытках выбраться. Просто стояла и ждала, собрав всю свою храбрость в кулак.

Интересно.

Я сделал шаг вперед, позволив тени отпустить меня. Моя бледная кожа слабо светилась в темноте собственным неживым светом — побочный эффект энергии, которая текла в моих венах вместо крови. Девчонка еще не видела меня, но я знал, что это продлится недолго.

Пора знакомиться.

Я двинулся к ней бесшумно, как призрак, как сгущающаяся тьма. Мой плащ развевался за спиной, сливаясь с мраком зала. Еще несколько шагов — и я окажусь прямо за ее спиной.

Я остановился в двух шагах от нее. Так близко, что мог почувствовать тепло, исходящее от ее тела — живое, пульсирующее тепло, которого я был лишен уже много веков. Аромат ее кожи, волос, пота от долгой дороги. Запах жизни.

Головокружительно.

Я наклонился ближе, и мое дыхание коснулось ее затылка. Холодное дыхание существа, которое не нуждалось в воздухе, но помнило, как это — дышать.

Пришло время заговорить.

Я бесшумно появляюсь из тени прямо за ее спиной и произношу:

— Потерялась, дитя?

Глава 4

Элара

Голос за спиной обжёг меня холоднее ледяного ветра.

Я замерла, не смея дышать. Сердце забилося так громко, что, казалось, его звук отдавался эхом от каменных стен. Никто не мог подойти ко мне так бесшумно. Никто живой.

Медленно, мучительно медленно, я начала поворачиваться. Каждый градус поворота давался с усилием, словно я двигалась сквозь густой мёд. Страх сковывал мышцы, превращая простое движение в пытку.

И наконец я увидела его.

Он стоял в двух шагах от меня, и я поняла, что все сказки о некромантах были жалкой пародией на реальность.

Высокий — намного выше меня, так что я вынуждена была задрать голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Одет во всё чёрное: длинный плащ без украшений, простая рубашка, брюки из плотной ткани. Никаких символов смерти, никаких костей или черепов. Только абсолютная чернота, которая поглощала скудный свет в зале.

Лицо... Господи, его лицо.

Бледная кожа цвета старого пергамента, натянутая на острые скулы. Тонкие губы, которые, казалось, никогда не улыбались. Прямой нос, словно высеченный из мрамора античным скульптором. Чёрные волосы, ниспадающие до плеч прямыми прядями.

Красивый? Нет, это слово было слишком простым, слишком человеческим для того, что я видела. Он был совершенен, как совершенна математическая формула или кристалл соли. Безупречен и абсолютно лишён всего живого.

Но глаза...

Глаза были самым страшным.

Они смотрели на меня из глубоких глазниц, и в них не было ничего человеческого. Тёмные, почти чёрные, но не той чернотой, что поглощает свет. Скорее той, которая существовала до появления света, в самом начале мира. В этих глазах были века. Тысячелетия. Вечность скуки, безразличия и знаний, которые не должен был постигать ни один смертный разум.

Когда он смотрел на меня, я чувствовала себя песчинкой, на которую обратило внимание море. Крошечной, незначительной, готовой быть смытой в любой момент.

— Ну что же, — продолжил он тем же вкрадчивым тоном, который пробирал до костей. — Не ответишь на простой вопрос?

Я попыталась заговорить, но горло пересохло. Я сглотнула, собрала остатки мужества.

— Я... я не потерялась, — прошептала я. — Я пришла сюда специально. К вам. Мне сказали, что вы... что вы можете научить меня...

— Контролировать твой дар? — Он произнёс это небрежно, словно говорил о погоде. — Да, могу. Я чувствую его. Он течёт по твоим венам, как лихорадка. Неконтролируемый. Опасный.

Он сделал шаг ближе, и воздух вокруг него стал холоднее. Я инстинктивно попятилась, но за спиной была каменная стена.

— Ты думала, что магия — это красивые заклинания и волшебные превращения? — В его голосе послышалась насмешка. — Что я научу тебя оживлять цветы и лечить раненых птичек?

— Я... я не знала...

— Конечно, не знала. Они никогда не знают. — Он остановился совсем близко, и я почувствовала исходящий от него холод. Не обычный холод зимнего воздуха, а что-то более глубо-

кое, более пустое. Словно рядом со мной стоял кусок космической пустоты, принявший человеческую форму. — Хорошо. Урок начинается сейчас.

Он развернулся и пошёл к одному из коридоров. Его шаги не издавали ни звука, плащ развевался за ним, как крылья гигантской летучей мыши.

— Следуй за мной, — бросил он через плечо, не оборачиваясь.

У меня не было выбора.

Коридоры башни тянулись бесконечно. Факелы в настенных держателях зажигались сами собой, когда он проходил мимо, и гасли, когда он удалялся. Я шла за ним, стараясь не отставать, и с каждым шагом чувствовала, как нарастает ощущение нереальности происходящего.

Неужели это я, простая девчонка из глухой деревни, иду по коридорам башни некроманта? Неужели это не сон, не бред, вызванный голодом и усталостью?

Но холод, исходящий от его фигуры впереди, был слишком реальным. Как и звук моих собственных шагов, отдающийся эхом от каменных стен.

Мы спустились по винтовой лестнице, прошли через несколько залов, украшенных странными статуями и гобеленами с непонятными символами. Я пыталась разглядеть детали, но он шёл быстро, не давая мне времени на рассматривание.

Наконец мы остановились перед тяжёлой дубовой дверью, украшенной металлическими накладками. Каэлан приложил ладонь к центру двери. Раздался тихий щелчок, и дверь отворилась.

— Входи, — сказал он.

Я переступила порог и замерла.

Это было не то, что я ожидала увидеть. Не мрачное подземелье, увешанное черепами и костями, не алтарь для жертвоприношений посреди кровавых рун. Это была... лаборатория. Чистая, стерильная, функциональная.

Высокие каменные столы располагались рядами, как в анатомическом театре. На стенах висели полки с сотнями стеклянных колб, заполненных разноцветными жидкостями. Травы, корни, высушенные части животных — всё аккуратно разложено и подписано мелким чётким почерком. В воздухе витал запах формалина, смешанный с ароматами неизвестных реагентов.

Светло. Несколько магических кристаллов под потолком излучали ровный белый свет, не оставляя ни одного тёмного угла. Это место больше походило на мастерскую учёного, чем на логово тёмного колдуна.

И именно это пугало меня больше всего.

Если бы здесь были черепа и кровавые символы, я могла бы сказать себе, что он — безумный злодей. Но эта стерильная чистота, эта научная точность говорили о чём-то более страшном. О холодном методичном разуме, который изучает смерть с тем же спокойствием, с каким другие изучают ботанику.

— Подойди к центральному столу, — приказал он.

Я медленно двинулась вперёд, мой взгляд блуждал по полкам с заспиртованными органами и непонятными инструментами. Но когда я подошла к столу, о котором он говорил, всё остальное перестало существовать.

На столе лежал покойник.

Молодой парень, примерно моего возраста. Тёмные волосы, обычное лицо, которое могло принадлежать любому деревенскому юноше. Кожа восковая, с синюшным оттенком. Глаза закрыты, руки сложены на груди. Он был одет в простую рубашку и штаны, как будто просто уснул и сейчас проснётся.

Но не проснётся. Никогда.

— Знакомься, — произнёс Каэлан, подходя к противоположной стороне стола. — Это Пётр. Был Пётр. Крестьянский сын из деревни в двух днях пути отсюда. Подрался с соседом из-за девушки, получил удар ножом в сердце. Умер три дня назад.

Я почувствовала, как желудок сжимается в комок.

— Зачем... зачем вы мне это показываете? — прошептала я.

— Потому что это твой первый урок. — Он говорил спокойно, безэмоционально. — Ты пришла изучать магию смерти. Значит, должна понимать, что такое смерть.

Он обошёл стол и остановился рядом со мной. Я почувствовала исходящий от него холод ещё сильнее. словно рядом стояла ледяная статуя.

— Прикоснись к нему, — сказал он.

— Что? — Я отшатнулась. — Нет! Я не могу!

— Можешь. И должна. — В его голосе не было ни злобы, ни садизма. Только холодная уверенность. — Если ты хочешь понять свой дар, ты должна почувствовать, что такое смерть. Прикоснись к нему.

— Я не буду этого делать! — Мой голос сорвался, стал пронзительным. — Это... это неправильно! Это святотатство!

Каэлан посмотрел на меня тем взглядом, которым смотрят на капризного ребёнка.

— Святотатство? — повторил он. — Девочка, ты пришла к некроманту. Святотатство — это моя профессия.

Он сделал шаг ко мне, и я попятилась. Теперь за спиной была полка — я упёрлась в неё лопатками, слыша тихий звон потревоженных колб.

— Ты боишься мертвеца? — продолжал он, медленно приближаясь. — Но ведь твоя мать была мёртвой, когда ты бросала землю на её гроб. Ты боялась её тогда?

— Это... это другое! — выкрикнула я. — Она была моей матерью!

— А этот парень был чьим-то сыном. Чьим-то возлюбленным. Смерть не делает различий, девочка. Она одинаково холодна для всех.

Он остановился прямо передо мной, и я увидела своё отражение в чёрных глубинах его глаз.

— Последний раз предлагаю тебе сделать это добровольно.

Я жала губы и покачала головой. Что бы ни случилось, я не буду касаться мертвеца. Это было неправильно, отвратительно, кошунственно...

Он вздохнул. Не раздражённо, не гневно. Просто констатировал факт.

— Как скажешь.

И тогда он взял меня за запястье.

Я ахнула. Его пальцы были ледяными — не просто холодными, а мертвенно холодными. словно я коснулась мраморной статуи, которая пролежала всю зиму в снегу. В этом прикосновении не было ничего живого, никакого тепла, никакого биения пульса под кожей.

Но что-то заставило меня сильнее вздрогнуть, чем сам холод.

Моя рука отозвалась. Непрошено, вопреки здравому смыслу — что-то тёплое, почти болезненное побежало от места его прикосновения вверх по руке. словно моя кровь признала в нём что-то, чего я ещё не понимала.

— Нет! — вырвалась я, пытаюсь освободить руку.

Но его хватка была железной. Он тащил меня к столу, не обращая внимания на моё сопротивление. Его сила была не человеческой — не грубой, не животной, а механической, неумолимой, как движение шестерёнок в часах.

— Отпустите меня! — кричала я, упираясь ногами в пол. — Я не хочу! Я не буду!

— Будешь, — ответил он с той же ледяной невозмутимостью.

Он притянул меня к столу и, не выпуская запястья, взял мою правую руку своей свободной ладонью. Холод его кожи был точно таким же — но теперь я почти не замечала его. Всё моё внимание было сосредоточено на этом странном, тянущем тепле, которое пульсировало в местах нашего соприкосновения. Будто два чужих инструмента вдруг начали звучать в унисон.

— Пожалуйста, — прошептала я. — Не надо.

Он не ответил. Просто направил мою руку к лежащему на столе телу и положил мою ладонь на грудь мертвеца.

Кожа под моими пальцами была холодной и липкой. Упругой, но не так, как живая кожа. Как кожа, из которой ушла жизнь, оставив только оболочку. Я почувствовала, как желудок подкатывает к горлу, и зажмурилась, готовясь к волне тошноты и ужаса.

Но вместо этого произошло нечто совершенно иное.

В момент, когда моя ладонь полностью легла на грудь покойного, что-то внутри меня... щёлкнуло. Словно невидимый переключатель, о существовании которого я не подозревала, внезапно сработал.

И мир изменился.

Тело под моей рукой перестало быть просто куском мёртвой плоти. Оно стало... историей. Я чувствовала не холод и липкость, а эхо жизни, которая когда-то билась в этом сердце. Я видела — нет, не видела, а знала — последние мгновения Петра.

Боль. Не физическая боль от удара ножа, а душевная. Разочарование. Он не хотел драться, не хотел умирать. Он хотел только, чтобы Марья взглянула на него так же, как смотрела на Фёдора. И теперь никогда не узнает, могла ли она его полюбить.

Одиночество. Холод, который не имел ничего общего с температурой. Ощущение, что что-то важное, что-то неотъемлемое ускользает навсегда.

И, над всем этим, тихая, безграничная печаль. Не ужас, не агония. Просто грусть от того, что всё кончилось так рано, так бессмысленно.

Я открыла глаза и увидела лицо покойного парня. Теперь оно не казалось мне страшным. Оно было просто... грустным. Бесконечно грустным.

Слёзы потекли по моим щекам. Не от страха, а от жалости. К этому мальчишке, который любил девушку и умер, так и не сказав ей об этом. К его родителям, которые хоронили сына. К Марье, которая никогда не узнает, что была любима.

— Он не хотел умирать, — прошептала я, не убирая руку с его груди. — Он просто хотел, чтобы она его заметила.

Тишина.

Я подняла взгляд и увидела лицо Каэлана. Выражение его глаз изменилось. Больше не было скуки, не было холодного безразличия. Было что-то другое, что я не могла понять. Удивление? Раздражение? Что-то среднее между ними?

— Что ты сказала? — Его голос звучал резче обычного.

— Он не хотел драться, — повторила я. — Он любил девушку по имени Марья. Фёдор был его соперником. Он не хотел его убивать, просто... просто хотел доказать, что достоин её внимания.

Каэлан смотрел на меня долго, изучающе. Потом резко отстранился, выпуская мою руку.

— Откуда ты это знаешь? — спросил он, и в его голосе слышалось что-то опасное.

— Я... я почувствовала. Когда коснулась его. Я почувствовала, что он чувствовал в последний момент.

— Это невозможно.

— Но я чувствовала! — Я убрала руку с тела покойного, но не отошла от стола. — Он был таким одиноким. И так хотел жить...

Лицо Каэлана стало каменным. В его глазах появилось выражение, которое заставило меня отступить на шаг. Не гнев — что-то более холодное и более опасное.

— Ты должна была кричать, — сказал он медленно. — Должна была упасть в обморок или убежать. Ты должна была бояться.

— Но я не боюсь его, — прошептала я. — Он не страшный. Он просто... мёртвый.

Что-то в его лице дрогнуло. Словно я сказала что-то неправильное, что-то, что нарушало все его планы.

Он больше ничего не сказал. Только резко шагнул к двери и распахнул её, давая понять, что разговор окончен. Я вышла в коридор, и тяжёлая дверь захлопнулась за мной с глухим металлическим щелчком.

Я прислонилась к холодной стене и закрыла глаза.

Внутри меня всё ещё звучала чужая печаль — осколок чужой жизни, застрявший в моих ладонях. Но сильнее было другое ощущение, более личное, более смущающее: я всё ещё чувствовала на запястье след его пальцев. Не боль, не холод — что-то тягучее, что не хотело уходить.

Я открыла глаза и посмотрела на свою руку. Ничего. Кожа как кожа.

Но тепло никуда не делось.

Глава 5

Элара

Тишина давила на плечи, тяжелая и плотная, как мокрая шерсть.

Я стояла в коридоре перед запертой дверью лаборатории, прижав ладонь к холодному камню стены. Сердце все еще колотилось после того, что произошло внутри. Не от страха перед мертвецом — этот страх растворился, стоило мне почувствовать печаль умершего парня. Колотилось от чего-то другого, более пугающего.

От воспоминания о прикосновении ледяных пальцев к моему запястью.

Я подняла руку и посмотрела на место, где он держал меня. На коже не осталось следов, но я все еще чувствовала этот неживой холод. И те странные мурашки тепла, которые побежали по руке вслед за его прикосновением. Что это было? Почему мое тело отвечало так странно на контакт с существом, в котором не было ничего живого?

Звук шагов нарушил мои размышления.

Нет, не шагов. Что-то другое. Скрип камня о камень, методичный и размеренный, как тиканье огромных часов. Я подняла голову и увидела приближающегося ко мне голема.

Тавиан двигался медленно, но неумолимо. Каждый его шаг отдавался эхом в коридоре, и я заметила, что звук исходит не от соприкосновения его ног с полом, а от самого его тела. Каменные суставы скрипели при движении, словно механизм древних часов, которые слишком долго работали без смазки.

Голем остановился передо мной и застыл. Его каменное лицо было неподвижно, глаза — пустыми глазницами в сером камне. Но в этой неподвижности не было угрозы. Скорее... ожидание.

Он поднял руку и указал в глубь коридора.

Я поняла без слов. Он должен был отвести меня куда-то. В комнату, где я буду ночевать, вероятно. Или в темницу. В башне некроманта все было возможно.

Голем развернулся и медленно пошел вперед. Я последовала за ним, и тишина снова заполнилась только одним звуком — скрипом его каменных суставов.

Коридоры тянулись бесконечно.

Я шла за созданием из камня, и с каждым поворотом башня открывала мне новые лики. Здесь не было окон — свет исходил от магических кристаллов, закрепленных в нишах стен. Они горели ровным, холодным светом, не мерцая, не давая теней.

На стенах висели гобелены. Старые, выцветшие, но все еще сохранившие основные цвета и детали. Я пыталась разглядеть изображения на них, но голем не останавливался, и мне приходилось идти быстро, чтобы не отстать.

Битвы. На большинстве гобеленов были изображены битвы. Не обычные сражения с мечами и копьями, а что-то более странное, более пугающее. Фигуры в черных одеждах призывали из земли костяных воинов. Маги в белых мантиях призывали огонь с небес, сжигающий целые армии. Существа, которые не были ни людьми, ни зверями, пожирали павших на поле брани.

История. Вся эта башня была пропитана историей. Древней, кровавой, забытой внешним миром. Я чувствовала тысячи взглядов, следящих за мной со стен. Давно мертвые герои и злодеи, запечатленные в ткани, словно наблюдали за новой гостьей их мрачного дома.

Голем свернул в боковой коридор, более узкий. Здесь гобеленов не было, только голые каменные стены с редкими нишами, в которых стояли статуи. Я украдкой взглянула на одну из них — женщина в длинном плаще, лицо скрыто капюшоном, в руках какой-то свиток. Статуя была выполнена мастерски, каждая складка одежды проработана с удивительной точностью.

И казалось, что каменные глаза под капюшоном следят за мной.

Я поежилась и поспешила за големом.

Наконец мы остановились перед обычной деревянной дверью. Не массивной, как дверь лаборатории, а простой, из темного дуба. На ней не было ни замков, ни украшений.

Голем повернулся ко мне, поднял руку и указал на дверь. Потом кивнул — едва заметное движение каменной головы.

— Это... это моя комната? — спросила я.

Голем не ответил. Возможно, не мог отвечать. Но он снова кивнул.

Я толкнула дверь. Она открылась беззвучно, на хорошо смазанных петлях.

Комната была маленькой, но уютной. По крайней мере, настолько уютной, насколько может быть уютной келья в башне некроманта. Узкая кровать у окна, простой деревянный стол, стул, небольшой шкаф. На столе стояла свеча в медном подсвечнике и лежало огниво.

Все было идеально чистым. Не просто убраным — именно идеально чистым, словно комнату готовили для моего прихода заранее. Простыни на кровати были свежими, белыми. На полу не было ни пылинки. В воздухе слабо пахло лавандой.

Я обернулась, чтобы поблагодарить голема, но его уже не было. Он исчез так же бесшумно, как появился. Дверь за мной закрылась с тихим щелчком.

И наступила абсолютная тишина.

Я подошла к кровати и села на край. Матрас был мягким, удобным. Намного лучше, чем соломенная подстилка в родной деревне. Но это не приносило утешения.

Я была одна. Совершенно, абсолютно одна в башне существа, которое не было человеком. В окружении призраков прошлого, каменных слуг и теней, которые, казалось, жили собственной жизнью.

Что я наделала?

Мысль пришла внезапно, пробив броню упрямства, которую я возводила вокруг себя весь день. Что я, в самом деле, наделала? Бросила все, пришла к некроманту, позволила ему заставить себя касаться мертвеца...

И самое страшное — я не жалела об этом.

Да, мне было страшно. Да, я не понимала, во что ввязалась. Но альтернативой была медленная смерть в родной деревне, где меня боялись и презирали. Здесь, по крайней мере, был шанс. Шанс понять свой дар, научиться им пользоваться, стать тем, кем я была предназначена быть.

Я встала и подошла к окну. За стеклом расстилалась та же мертвая долина, которую я видела днем. Теперь она была погружена в сумрак, и только редкие пятна светящегося мха нарушали абсолютную черноту.

Красиво. По-своему, мрачно красиво.

Я развернулась, собираясь готовиться ко сну, и замерла.

На тумбочке рядом с кроватью стояла чашка.

Я точно помнила, что когда вошла в комнату, тумбочка была пустой. Я обратила на это внимание — идеальный порядок, ни одного лишнего предмета. А теперь там стояла простая глиняная чашка с дымящимся содержимым.

Сердце забилось быстрее. Кто мог принести чай? Голем? Но он ушел, и я не слышала, чтобы дверь открывалась. Сам Каэлан? Эта мысль была еще более пугающей.

Я медленно подошла к чашке. Запах поднимающегося пара был знакомым — ромашка, мята, что-то еще, травяное и успокаивающее. Обычный травяной отвар, какой заваривала моя мать при простуде.

Я коснулась стенки чашки пальцем. Горячая. Только что заваренная.

— Кто здесь? — прошептала я, оглядывая комнату.

Тишина.

Но теперь эта тишина казалась мне не пустой, а наполненной. Словно кто-то находился рядом, но оставался невидимым. Я чувствовала чужое присутствие кожей — едва уловимое изменение в воздухе, в температуре, в самой атмосфере комнаты.

Я взяла чашку и сделала осторожный глоток. Отвар был вкусным, теплым, успокаивающим. В нем не было ничего подозрительного, никакого горького привкуса или странного запаха. Просто чай. Добрый, заботливый жест.

Но от кого?

Я поставила чашку обратно на тумбочку и принялась готовиться ко сну. Сняла дорожное платье, умылась водой из кувшина, который стоял на столе. Надела ночную рубашку, которую нашла в шкафу. Она была мне впору, словно сшита специально для меня.

Забравшись под одеяло, я попыталась уснуть. Но сон не шел.

В тишине башни мне начали слышаться звуки. Сначала едва различимые — далекий скрип, как будто где-то наверху кто-то ходил по старым половицам. Потом что-то похожее на шепот, настолько тихий, что я не была уверена, слышу ли его на самом деле или он существует только в моем воображении.

Ветер в трубах, сказала я себе. Старое здание, древние камни оседают. Ничего сверхъестественного.

Но шепот не прекращался. Более того, он становился отчетливее. Словно кто-то говорил совсем рядом, но голосом, который едва можно было расслышать.

Женский голос.

Я открыла глаза и прислушалась. Шепот звучал ритмично, как молитва или заклинание. Слов я не понимала, но в интонации слышалась... печаль? Тоска? Что-то бесконечно грустное.

Звук шел откуда-то сверху. Из стен, из потолка. Словно в самих камнях башни жил чужой голос.

Я села в кровати, напрягая слух. Шепот стал громче, настойчивее. И теперь я была уверена — это определенно женский голос. Молодой, печальный, умоляющий о чем-то.

Волосы на затылке встали дыбом.

— Кто здесь? — прошептала я в темноту. — Кто вы?

Шепот стих.

Я ждала, затаив дыхание, но тишина не нарушалась. Я начала было думать, что все это мне померещилось, как вдруг услышала новый звук.

Всхлип.

Тихий, прерывистый, полный боли всхлип прямо у меня над ухом.

Я вскочила с кровати, сердце колотилось как бешеное. Я схватила со стола огниво и зажгла свечу дрожащими руками. Теплый свет разлился по комнате, прогоняя самые глубокие тени.

Но не все.

В дальнем углу, там, где свет свечи едва доставал, я увидела что-то, от чего кровь застыла в жилах.

Силуэт.

Женский силуэт, полупрозрачный, мерцающий, как отражение в воде. Высокая, стройная фигура в длинном платье. Волосы, спадающие до плеч. Лицо, обращенное ко мне, но черты которого нельзя было различить в неверном свете.

Я моргнула, и силуэт исчез.

Словно его никогда и не было.

Я стояла посреди комнаты, держа свечу в дрожащей руке, и смотрела на пустой угол. Сердце стучало так громко, что, казалось, его слышно по всей башне.

Что это было? Галлюцинация? Игра света и тени? Или...

Или в башне некроманта обитали не только живые и мертвые, но и те, кто застрял где-то между ними?

Я медленно опустилась на кровать, не выпуская свечу из рук. Я больше не хотела спать. Не хотела гасить огонь и снова оставаться в темноте с невидимыми обитателями башни.

Кто была эта женщина? Что она хотела? Почему принесла мне чай?

Вопросы роились в голове, но ответов не было. Было только ощущение, что башня некроманта хранит множество тайн. И что я, Элара, только начала их раскрывать.

Глава 6

Элара

Свеча оплавилась до половины, когда я наконец почувствовала, как веки становятся тяжёлыми.

Я всё ещё сидела на кровати, обхватив колени руками, и смотрела на угол, где видела призрачный силуэт. Пламя свечи мирно покачивалось от едва заметных сквозняков, отбрасывая танцующие тени на стены. Но угол оставался пустым.

Может быть, мне всё-таки померещилось? Может быть, усталость от долгой дороги и шок от встречи с некромантом сыграли со мной злую шутку?

Голова кружилась от усталости. Мне нужно было поспать. Завтра будет новый день, новые испытания, и я должна быть к ним готова.

Я осторожно задула свечу, и комната погрузилась в мягкую темноту. Лунного света из окна было достаточно, чтобы различать очертания мебели. Я легла на кровать, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза.

Сон пришёл медленно, подкрадываясь, как туман над рекой. Сначала лёгкая дремота, потом всё более глубокое погружение в темноту. Мои мышцы расслабились, дыхание стало ровным и глубоким.

И тогда моё сознание, освобождённое от дневных страхов и запретов, начало ткать собственную реальность.

Я была в лаборатории.

Но это была не та стерильная, пугающая комната, где Каэлан заставлял меня касаться мертвеца. Это место было... другим. Теплее. Мягче. Свет, лившийся из кристаллов под потолком, казался золотистым, а не холодно-белым. В воздухе не пахло формалином — только древними книгами, сухими травами и едва уловимым ароматом озона после летней грозы.

Каменный стол в центре комнаты был пуст. Никаких тел, никаких инструментов. Только гладкая поверхность, на которой лежал единственный предмет — роза. Алая, свежая, словно только что срезанная с куста.

Я подошла к столу и коснулась лепестка. Под моими пальцами цветок ожил, раскрылся ещё больше, источая тонкий аромат.

— Красиво.

Голос за спиной не испугал меня. Наоборот, от знакомых интонаций что-то тепло разлилось в груди. Я медленно обернулась.

Каэлан стоял в нескольких шагах от меня, но он был... другим. В его лице не было той каменной холодности, которая пугала меня наяву. Черты остались теми же — острые скулы, прямые губы, тёмные волосы, — но выражение изменилось. В глазах не было ледяной пустоты. Вместо неё — усталость. Глубокая, вековая усталость, смешанная с чем-то ещё. С печалью? С одиночеством?

— Ты не боишься меня, — сказал он, и в его голосе не было мрачной усмешки. Только удивление.

— Здесь — нет, — ответила я, сама удивляясь своим словам. Но это была правда. В этом месте, в это время я не боялась его. Не могла бояться.

Он медленно приблизился ко мне. Каждый его шаг отдавался тихим эхом в просторной лаборатории. Я не отступила. Не могла отступить. Что-то удерживало меня на месте — не страх, не паралич, а странное ожидание.

Он остановился прямо передо мной, так близко, что я чувствовала тепло, исходящее от его тела. Тепло? Да, здесь он был тёплым. Живым. Человеком, а не ледяной статуей.

— Почему ты пришла ко мне? — спросил он тихо, и в его голосе слышалась не холодная насмешка, а искренний интерес.

— Потому что мне больше некуда идти, — прошептала я. — И потому что... потому что ты единственный, кто может понять.

Он поднял руку и медленно, очень медленно коснулся моей щеки. Я замерла, ожидая привычного прикосновения мёртвого льда. Но его пальцы были тёплыми. Живыми. Они нежно проследили линию моей скулы, убрали прядь волос с лица.

— Ты слишком яркая для моего тёмного мира, — сказал он, и впервые в его голосе послышалась не уверенность, а сомнение.

— А ты слишком одинокий для любого мира, — ответила я, сама не понимая, откуда берутся эти слова.

Что-то изменилось в его лице. Удивление? Признание? Я не успела понять, потому что он наклонился ко мне.

Поцелуй был неожиданно нежным.

Его губы коснулись моих с осторожностью, словно он боялся, что я исчезну от слишком грубого прикосновения. В поцелуе был привкус чего-то древнего — пыли старых книг, горечи забытых заклинаний, озона после грозы. Но не холода. Никакого холода.

Я не отстранилась. Вместо этого я прикрыла глаза и позволила себе раствориться в этом ощущении. Его рука скользнула мне на затылок, пальцы запутались в моих волосах. Вторая рука обняла за талию, притягивая ближе.

Я чувствовала себя в безопасности в его объятиях. Защищённой. Словно нашла дом, который искала всю жизнь, сама того не зная.

— Остайся, — прошептал он, отрываясь от поцелуя, но не отпуская меня. — Остайся со мной.

— Я никуда не уйду, — ответила я, и эти слова были самой честной правдой, которую я когда-либо произносила.

Он улыбнулся. Впервые я видела его улыбку, и от этого что-то сладко сжалось в груди. Улыбка делала его лицо совершенно другим — не пугающим, а просто красивым. Человеческим.

— Я ждал тебя так долго, — сказал он, прижимая меня ближе. — Так долго...

ТУК-ТУК-ТУК.

Звук ворвался в сон, как холодная вода. Я резко села в кровати, сердце бешено колотилось.

Комната. Я была в своей комнате в башне некроманта. Серое утреннее небо за окном, простая мебель, запах лаванды от постельного белья.

ТУК-ТУК-ТУК.

Я провела рукой по лицу. Щёки горели. Я инстинктивно коснулась губ — они были слегка припухшими, хранили фантомную память о прикосновении, которого никогда не было.

Это был сон. Просто сон.

Я повторяла это себе, пока вставала с кровати, пока накидывала халат, пока смотрела в зеркало на своё раскрасневшееся лицо. Сон — и ничего больше. Странная реакция измотанного разума на слишком много всего сразу: смерть матери, долгая дорога, некромант с его ледяными руками и тёмными глазами.

Именно так я и объяснила бы это кому угодно. Но оставшись наедине с собой, я знала, что это объяснение было только половиной правды.

ТУК-ТУК-ТУК.

— Минуточку! — крикнула я.

Я провела пальцами по растрёпанным волосам и открыла дверь. В коридоре стоял Тавиан с подносом в каменных руках. На подносе — простая еда: хлеб, сыр, кувшин с молоком, тарелка каши. Голем протянул поднос мне, я машинально взяла его.

— Спасибо, — пробормотала я, но голем уже разворачивался и уходил, его каменные суставы скрипели в утренней тишине.

Я закрыла дверь и поставила поднос на стол. Подошла к окну и посмотрела на долину, окутанную утренним туманом. Где-то там, в башне, был он. Настоящий Каэлан — холодный, жёсткий, с глазами, в которых не было ничего человеческого.

Не тот, что приснился мне.

Я отошла от окна и принялась одеваться. Нужно было собраться. Забыть сон. Вести себя как обычно.

Я заставила себя съесть хлеб с сыром, запила молоком. Еда была вкусной, но каждый кусок давался с трудом. Я думала не о завтраке.

Я допивала молоко, когда дверь распахнулась.

Без стука. Без предупреждения.

На пороге стоял Каэлан, и при виде него у меня перехватило дыхание.

Он был точно таким же, каким я помнила его из реальности — высоким, мрачным, одетым во всё чёрное. Бледное лицо с острыми чертами, тёмные волосы, спадающие на плечи. И глаза... те самые глаза, в которых не было ни тепла, ни жизни. Только вековая холодность и что-то хищное, изучающее.

Контраст с моим сном был настолько резким, что у меня закружилась голова.

Его взгляд скользнул по моему лицу, задержался на покрасневших щеках, на блестящих глазах. В уголках его губ появилась тень усмешки — не доброй, а мрачной, почти жестокой. Словно он что-то знал. Или догадывался.

— Надеюсь, ты отдохнула, ученица, — сказал он тем же вкрадчивым голосом, от которого мурашки бежали по коже. — Сегодня мы будем работать с кровью. Твоей.

Глава 7

Элара

Слова «твоей кровью» эхом отдавались в моей голове, пока я шла за ним по коридорам башни.

Каэлан двигался с обычной бесшумной грацией, его чёрный плащ развевался за спиной. Я смотрела на его силуэт и думала о том, что сон сыграл со мной злую шутку — я слишком хорошо помнила, как выглядит ширина этих плеч, когда они не несут в себе ничего угрожающего. Когда они просто держат тебя.

Стоп.

Я трянула головой. Нужно было думать о настоящем. О том, что он ведёт меня куда-то, где потребует мою кровь для своих ритуалов.

Мы свернули в коридор, которого я ещё не видела. Здесь не было гобеленов и статуй, только голые каменные стены с редкими факелами в кованных держателях. Воздух становился холоднее с каждым шагом.

Наконец мы остановились перед массивной дверью из чёрного дерева, украшенной серебряными инкрустациями в виде сложных узоров. Каэлан приложил ладонь к центру двери, и та отворилась без звука.

— Входи, — сказал он.

Я переступила порог и замерла.

Зал был круглым, очень высоким, с куполообразным потолком, который терялся в тенях наверху. Стены тоже были из чёрного камня, но здесь он был отполирован до зеркального блеска, отражая язычки пламени от факелов. В воздухе висел запах расплавленного воска, озона и того особого холода, который исходит от камня, никогда не видевшего солнца.

Но главным в зале была пентаграмма.

Огромная, идеально симметричная, она была вырезана прямо в каменном полу и заполнена серебром. Линии переплетались в сложный узор, в котором я с трудом различала отдельные символы — руны, которые, казалось, двигались в неверном свете факелов. В центре пентаграммы был небольшой круг, также заполненный серебром, а в самом его центре — маленькое углубление размером с монету.

— Место силы, — произнёс Каэлан, входя в зал за мной. — Здесь граница между мирами тоньше всего. Здесь магия откликается на малейший зов.

Я посмотрела на него. В этом мрачном месте он выглядел как дома — естественно, органично. Словно был создан для таких залов, для таких ритуалов.

— Зачем мы здесь? — спросила я, хотя в глубине души уже знала ответ.

— Чтобы проверить природу твоего дара. — Он подошёл к краю пентаграммы и остановился. — Магия требует жертв, ученица. Самая малая из них — кровь.

Из складок плаща он достал кинжал.

Я никогда не видела ничего подобного. Клинок был выточен из чёрного обсидиана, настолько острого, что край казался тоньше бумаги. Рукоять была из того же материала, гладкая и прохладная. При взгляде на лезвие глаза начинали слезиться — словно сама тьма была заточена в форму ножа.

— Надрежь ладонь, — сказал он, протягивая мне кинжал. — Совсем немного. Несколько капель будет достаточно.

Я взяла кинжал дрожащими пальцами. Обсидиан был холодным, но не неприятно. Скорее... живым. Словно в камне тлела какая-то древняя сила.

— Я... я не уверена, что смогу, — прошептала я.

— Сможешь. — В его голосе не было ни сочувствия, ни поддержки. Только холодная уверенность. — Иначе ты не дошла бы до моих врат.

Я подняла кинжал, глядя на свою ладонь. Мне нужно было всего лишь сделать маленький порез. Так почему же рука дрожала так сильно, что я едва удерживала кинжал?

Я прикоснулась острием к коже. Холодное прикосновение обсидиана заставило меня вздрогнуть. Ещё немного давления, и...

— Я не могу, — выдохнула я, опуская руку.

Тишина затянулась. Я не смела поднять глаза, ожидая его гнева, презрения, насмешки. Вместо этого я услышала тихие шаги.

Он подходил ко мне. Медленно. Неспешно.

— Конечно, не можешь, — произнёс он, и в его голосе прозвучало что-то похожее на понимание. — Никто не может причинить себе боль с первого раза.

Я почувствовала, как он останавливается у меня за спиной. Так близко, что холод, исходящий от его тела, коснулся меня через тонкую ткань платья.

— Тогда мы сделаем это вместе, — сказал он.

Его рука легла поверх моей руки, держащей кинжал.

Я знала этот холод. Я уже чувствовала его — вчера, в лаборатории, когда он держал моё запястье. Но тогда прикосновение было неожиданным, и я не успела понять, что именно оно делает со мной. Сейчас — успела. Его ледяные пальцы сомкнулись поверх моих, и ответ моего тела был мгновенным и пугающим своей определённой: тепло разлилось от места контакта быстро, глубоко, словно я знала это прикосновение давно.

Словно ждала его.

— Расслабься, — прошептал он мне на ухо, и его дыхание коснулось моего затылка. — Чем больше сопротивляешься, тем больше будет.

Я попыталась расслабиться, но это было невозможно. Не от страха — от его близости. Каждый нерв был натянут как струна. Его рука направила мою руку к ладони. Острие кинжала коснулось кожи.

— На три, — сказал он. — Раз...

Я закрыла глаза.

— Два...

Его пальцы крепче сжали мою руку.

— Три.

Вместе мы надавили на кинжал.

Боль была короткой и острой, как укус пчелы. Я ахнула, но не отдернула руку. Обсидиановое лезвие было настолько острым, что разрезало кожу, словно шёлк.

— Хорошо, — прошептал Каэлан, не убирая руку. — Теперь к пентаграмме.

Он повёл меня за руку к центру серебряного узора. Я шла, замороженная ощущением его пальцев на своих. Кровь медленно сочилась из пореза, стекая к кончикам пальцев.

— Стань в центр, — сказал он.

Я встала в самое сердце пентаграммы. Серебряные линии, казалось, пульсировали под моими ногами, ожидая чего-то.

— А теперь позволь крови упасть.

Я подняла руку над маленьким углублением в центре и разжала кулак. Капля крови медленно сформировалась на моей ладони, повисла на мгновение, а затем упала.

И зал взорвался светом.

Но не тем светом, которого я ожидала. Не холодным, мертвенно-синим свечением, о котором я читала в книгах о некромантии. Руны вспыхнули тёплым, золотистым сиянием, словно в них зажглось маленькое солнце. Свет побежал по серебряным линиям, заполняя весь узор пентаграммы, и тепло разлилось по залу.

Настоящее, живое тепло.

Я почувствовала, как за спиной Каэлан замирает. Его дыхание прерывается. Его тело напрягается, словно готовое к прыжку или бегству.

— Что... — начала я, но он резко обошёл меня, встав лицом к лицу.

Выражение его лица изменилось. Больше не было холодного безразличия или ледяной насмешки. В тёмных глазах горело что-то новое — изумление, недоверие и что-то ещё, что заставило моё сердце забиться быстрее.

Голод.

Он смотрел на меня так, словно видел впервые. Словно я была не просто девчонкой из захолустной деревни, а чем-то редким, бесценным. Опасным.

— Это невозможно, — прошептал он.

— Что невозможно? — Я попыталась отступить, но линии пентаграммы удерживали меня в центре.

— Твоя кровь. — Он смотрел на золотистое свечение, которое медленно угасало. — Она не должна была дать такую реакцию.

— А какую должна была?

— Холодную. Синюю. Как у всех, кто прикасается к магии смерти. — Он поднял глаза на моё лицо. — Твоя кровь горит жизнью. Она не просто откликается на некромантические заклинания — она их изменяет.

Я не понимала, что это значит, но тон его голоса говорил мне, что это важно. Очень важно.

— Это хорошо или плохо? — спросила я.

Вместо ответа он протянул руку и взял мою пораненную ладонь. Я попыталась отдернуть руку, но его пальцы крепко сомкнулись на моём запястье.

— Что вы делаете? — прошептала я.

Он не ответил. Только поднёс мою руку к своему лицу. Я ожидала чего-то ужасного — что он вопьётся зубами в рану, что будет пить мою кровь, как вампир из старых сказок. Приготовилась к боли, к отвращению.

Вместо этого он осторожно коснулся пореза губами.

Я не вздрогнула. Не отшатнулась.

Я просто перестала дышать.

Его губы были прохладными, мягкими. Он не кусал, не пил — просто касался раны, останавливая кровотечение. Но от этого прикосновения всё внутри меня стало очень тихим, очень сосредоточенным, как бывает в тот момент перед грозой, когда даже птицы замолкают.

Я смотрела на него сверху вниз. На тёмные волосы, на линию скулы, на ресницы, опущенные вниз. Он был точно таким же, как наяву — холодным, непроницаемым. И совершенно не таким, как во сне.

Но что-то между этими двумя образами начинало стираться.

— Отпустите меня, — прошептала я.

Он поднял голову и посмотрел на меня. В его глазах было что-то новое, что-то тёмное и опасное. Что-то, от чего у меня перехватывало дыхание.

— Ты боишься меня, — сказал он. Не вопрос — утверждение.

— Да, — прошептала я честно.

— И при этом...

Он не договорил, но и не нужно было. Я знала, что он видел в моих глазах. То же, что видела я в его. Притяжение. Влечение. Что-то первобытное и неподвластное разуму.

Я резко отдернула руку, и на этот раз он не стал меня удерживать. Отшатнулась назад, прижимая пораненную ладонь к груди. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно по всей башне.

— Урок окончен, — сказал он тихо.

Но не двинулся с места. Просто стоял и смотрел на свои губы, словно только сейчас осознавая, что прикоснулся ими к моей крови. На них остался едва заметный красноватый след.

А его глаза... Господи, его глаза. Они были абсолютно чёрными, бездонными, как ночное небо без звёзд. И в этой черноте плясали отблески того золотистого света, который дала моя кровь.

Я повернулась и вышла из зала, не оглядываясь.

Только в коридоре, когда за спиной стихло эхо закрывшейся двери, я остановилась и прислонилась к стене. Провела пальцами по запястью — туда, где он держал меня.

Вчера его прикосновение было неожиданным.

Сегодня — я ждала его.

И это было страшнее всего.

Глава 8

Каэлан

Пергамент под моими пальцами был холодным, как всегда. Как все в этой башне. Как я сам. Но почему же тогда я не мог сосредоточиться на словах, расплывающихся перед глазами черными каракулями?

Я откинулся в кресле, массируя виски. Несколько часов прошло с момента ритуала, но фантомный вкус все еще держался на языке — сладкий, пьянящий, до отвращения живой. Ее кровь была не просто жизненной силой. В ней была... надежда. Тепло. Все то, от чего я отрекся десятилетия назад.

Древний том об алхимических трансмутациях лежал раскрытым на столе, но строки сливались в бессмысленный узор. Вместо формул в памяти всплывало выражение ее лица в момент, когда я впился губами в ее ладонь. Удивление, переходящее в нечто другое — нечто опасное.

Я швырнул книгу об стену. Переплет треснул, страницы разлетелись веером.

Глупость. Минутная слабость, ничего больше. Ритуал требовал крови, и я взял ее. Все. Никакого скрытого смысла, никаких... чувств.

Но ложь имела привкус пепла.

Я поднялся и подошел к высокому окну, выходявшему на север. За стеклом простирались мертвые земли — моя империя тишины и забвения. Здесь не было места для тепла. Для надежды. Для той заразы, которую эта девчонка принесла в мой мир.

Ли́ра.

Имя ударило внезапно, как клинок между ребер. Рыжеволосая, смеющаяся, полная жизни Ли́ра. Моя первая и последняя ученица. Моя ошибка.

Она тоже смотрела на меня такими глазами — полными обожания и слепого доверия. Она тоже тянулась ко мне, не понимая, что я — смерть в человеческом обличье. И я позволил ей приблизиться. Позволил себе почувствовать... что-то.

А потом она умерла. Рассыпалась прахом на моих руках во время ритуала, который должен был сделать ее сильнее. Потому что я потерял контроль. Потому что в критический момент думал не о магии, а о ней.

Никогда больше.

Я стиснул кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Э́лара Велесо́ва не повторит судьбу Ли́ры. Я не позволю ей умереть из-за моей слабости. И не позволю себе снова... привязаться.

Значит, нужно действовать решительно. Пока этот крошечный росток тепла, который она каким-то образом посеяла в моей вечной мерзлоте, не пустил корни. Пока не стало слишком поздно.

Я должен заставить ее бояться меня так сильно, чтобы она сама сбежала. Это будет милосердием — для нас обоих.

Тренировочный зал находился в северном крыле башни, на третьем уровне от основания. Круглое помещение без окон, стены которого покрывали древние руны защиты и усиления. В центре зала был выложен сложный узор из серебряных линий — пентаграмма в окружении дополнительных символов власти.

Я стоял в центре этого узора, дожидаясь ее появления. Тавиан доставил мой приказ полчаса назад: "Явиться в тренировочный зал. Немедленно."

Дверь скрипнула, и она вошла. Даже сейчас, в простом сером платье, с волосами, убранными в тугую косу, она излучала эту проклятую живость. Каждый ее вдох был вызовом мертвой атмосфере башни.

— Закрой дверь, — приказал я, не оборачиваясь.

Щелчок замка эхом отразился от стен. Я медленно повернулся к ней, тщательно выстраивая выражение лица — холодное, безличное, как у хирурга перед операцией.

— Подойди в центр.

Она послушалась, но я заметил легкую дрожь в ее руках. Хорошо. Страх — это начало мудрости.

— Сегодня ты изучишь основы ментальной защиты, — начал я, обходя ее по кругу. — До сих пор ты была беззащитна перед любым магом, способным проникнуть в твой разум. Это неприемлемо.

Она кивнула, не сводя с меня настороженного взгляда.

— Метод обучения прост, — продолжил я, остановившись прямо перед ней. — Я буду атаковать твое сознание, а ты будешь пытаться защищаться. Если ты недостаточно быстро научишься ставить барьеры... что ж, боль — прекрасный учитель.

Ее лицо побледнело, но подбородок упрямо поднялся вверх.

— Я готова.

Наивная дурочка. Она понятия не имела, на что соглашалась.

Я поднял руку, и воздух в зале сразу стал тяжелее, наэлектризованным. Темная энергия закружилась вокруг моих пальцев, отбрасывая причудливые тени на стены.

— Ментальная атака требует контакта, — сказал я, делая голос максимально бесстрастным. — Физического или энергетического. Положи руки мне на грудь.

Она замерла.

— Что?

— Ты ослышалась? — В мой голос проникли ледяные нотки. — Или ты думаешь, что имеешь право обсуждать мои приказы?

Медленно, неуверенно, она подняла руки и положила ладони мне на грудь, поверх темной ткани камзола.

И мир взорвался.

Ее прикосновение было как удар молнии, пронизывающий меня насквозь. Теплые, живые ладони — клеймо, выжигающее лед изнутри. Но дело было не только в температуре. Ее дар, этот проклятый «резонанс», сразу же начал действовать.

Вечная буря магии смерти, что бушевала в моей крови с момента принятия бессмертия, вдруг... утихла. Стала ровной. Гармоничной. Впервые за сотню лет я почувствовал покой в собственной душе.

Это было невыносимо.

Я стиснул зубы, борясь с желанием зарыться лицом в ее волосы и никогда не отпускать. Нет. Этого быть не должно. Я не имею права на покой. Не имею права на тепло.

— Начинаем, — прохрипел я и обрушил на нее всю мощь ментальной атаки.

Ее разум распахнулся передо мной, как раскрытая книга. Я видел все — каждое воспоминание, каждый страх, каждую тайную мысль. И безжалостно выбирал самые болезненные.

Вот она, семилетняя, плачет над маленькой мертвой птичкой, которую не смогла спасти. Вот ей тринадцать, и соседки шепчутся за ее спиной: "Странная девочка. Нечистая сила в ней сидит."

Я вытащил эти образы и швырнул ей в лицо, заставляя заново переживать каждую секунду боли и унижения. Она застонала, но продолжала стоять.

Упрямая.

Тогда я пошел глубже. К недавним воспоминаниям. К тому, что она тщательно прятала ото всех.

К ее сну обо мне.

Ночь назад она видела сон — яркий, чувственный, полный запретного желания. В этом сне я нежно касался ее лица, целовал без жестокости, шептал слова любви. В этом проклятом сне я был не монстром, а мужчиной.

Я выдрал этот образ из глубин ее подсознания и бросил ей в лицо, как пощечину.

— Вот оно, твое истинное лицо, — прошипел я, усиливая ментальное давление. — Жалкая девчонка, которая влюбилась в своего мучителя. Которая мечтает приручить чудовище.

Слезы текли по ее щекам, но она все еще не отпускала меня. Ее ладони дрожали на моей груди, но оставались там, где я приказал.

И это сводило меня с ума.

Потому что сквозь ментальную связь я чувствовал не только ее боль, но и ее... принятие. Даже сейчас, когда я разрывал ее сознание на части, когда унижал самым жестоким образом, — где-то глубоко внутри она все еще... любила меня.

Этот проклятый резонанс делал ее эмоции частью меня. Ее любовь просачивалась в мои вены, как яд. Теплый, сладкий, смертельный яд.

Нет. НЕТ!

Паника захлестнула меня с головой. Я не мог этого выносить. Не мог чувствовать то, что чувствовала она. Не мог позволить ее свету растопить лед в моем сердце.

В отчаянии я обрушил на нее всю мощь своей магии. Без сдерживания, без пощады. Я пробил все ее жалкие попытки защиты и врезался в самое ядро ее сознания, как топор в мягкое дерево.

Она вскрикнула — тонко, надломленно — и рухнула на колени. Ее руки соскользнули с моей груди, разрывая контакт.

Внезапная пустота там, где только что было тепло, ударила почти физически. Я отшатнулся, тяжело дыша. Руки тряслись. Сердце колотилось так, словно я только что бежал несколько миль.

Что со мной происходило?

Элара лежала на холодном каменном полу в позе сломленной куклы. По ее щекам текли слезы — не только от боли, но и от унижения. Я заставил ее увидеть себя моими глазами. Жалкой. Ничтожной. Недостойной даже презрения.

Именно этого я и добивался. Тогда почему каждая ее слеза была как капля кислоты на моей совести?

У тебя нет совести, — напомнил я себе. — Ты — смерть. Ты — тьма. Ты не способен на сострадание.

Но кислота продолжала жечь.

Я выпрямился, натягивая на лицо маску ледяного равнодушия. Посмотрел на нее свысока, как владелец на провинившуюся собаку.

— Встать.

Она медленно, с трудом поднялась на ноги. Пошатывалась, но стояла. Даже сейчас, сломленная, она не сдавалась окончательно.

Это восхищало меня. И пугало одновременно.

— Ты провалила урок, — сказал я тоном, которым можно было резать стекло. — Твоя защита была жалкой. Твоя воля — слабой. А твои... мечтания... просто омерзительны.

Она вздрогнула, как от удара.

— Ты думала, что я не замечу? — продолжил я безжалостно. — Твои взгляды, твои румянцы, твои жалкие фантазии? Ты влюбилась в меня, как глупая деревенская девчонка в первого встречного барда.

Ее лицо стало белым как мел. Хорошо. Пусть болит. Боль научит ее держаться подальше.

— Позволь мне кое-что прояснить, ученица, — каждое слово я произносил медленно, отчетливо, чтобы оно врезалось в память навсегда. — Я — некромант. Я общаюсь с мертвыми,

потому что живые меня не интересуют. Ты для меня — инструмент. Сосуд с редкой магией, не более.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых боль смешивалась с чем-то еще. С пониманием? С состраданием?

Нет. Этого не могло быть. Никто не смотрел на чудовище с состраданием.

— Если ты еще раз позволишь себе подобные мысли, — закончил я, — я отправлю тебя обратно в твою жалкую деревушку. Голой. Без гроша. И пусть все узнают, что с тобой делал некромант.

Удар попал в цель. Она закрыла глаза, и по ее лицу пробежала судорога боли.

Отлично. Теперь она будет держаться от меня подальше. Теперь она поймет, что место рядом со мной — только смерть и страдания.

Я развернулся к выходу. Нужно было уйти, пока я окончательно не потерял контроль. Пока не сделал что-то, о чем буду сожалеть еще больше.

Глава 9

Элара

Холодный камень под щекой. Привкус крови на губах. Эхо его слов, которое все еще звенело в голове: "Ничтожество."

Я лежала на полу тренировочного зала, как выброшенная кукла. Каждая мышца болела, словно меня пропустили через мельничные жернова. Но физическая боль была ничем по сравнению с тем, что он сделал с моим разумом.

Он вскрыл мою душу, как грязный хирург — без анестезии, без сострадания. Выворачивал наизнанку самые болезненные воспоминания, швырял мне в лицо собственные страхи. И этот сон... Господи, этот проклятый сон, в котором я...

Новая волна стыда накрыла меня с головой. Он видел все. Каждую глупую фантазию, каждую тайную мечту о том, каким он мог бы быть, если бы... если бы не был чудовищем.

Жалкая девчонка, которая влюбилась в своего мучителя.

Его слова все еще жгли, как раскаленное железо. Потому что в них была доля правды. Я действительно чувствовала к нему что-то. Несмотря на его жестокость, несмотря на холод — в нем было что-то, что притягивало меня, как мотылька к пламени.

И теперь он знал об этом.

Медленно, стиснув зубы от боли, я поднялась на четвереньки, потом встала. Ноги дрожали, но держали. В зале стояла гнетущая тишина — даже воздух здесь казался мертвым, пропитанным остатками его темной магии.

Мне нужно было уйти. Добраться до своей комнаты, забиться в угол и позволить себе разрыдаться, как следует. Выплакать весь стыд, всю боль, все унижение. А потом... потом подумать, что делать дальше.

Если вообще что-то можно было сделать.

Я направилась к выходу на негнущихся ногах. Каждый шаг отдавался болью в голове, но я упрямо шла вперед. Не буду сдаваться. Не здесь, не сейчас. Не дам ему увидеть, как окончательно сламываюсь.

Коридор встретил меня полумраком и холодом. Факелы в настенных держателях едва теплились, отбрасывая длинные, причудливые тени. Мои шаги гулко отражались от каменных стен, нарушая вековую тишину башни.

Я почти дошла до поворота, ведущего к моей комнате, когда увидела её.

Тот самый призрак.

Силуэт стоял в дальнем конце коридора — полупрозрачный, светящийся тусклым серебристым светом. Молодая женщина с длинными распущенными волосами, в простом белом платье, которое развевалось от несуществующего ветра. Красивая. Очень красивая.

Кто она? Очередная жертва башни?

Она смотрела на меня, и в ее глазах была такая бездонная, вселенская жалость, что у меня перехватило дыхание. Не злость, не угроза — просто тихое, невыносимое сострадание к еще одной пленнице этого чудовища.

Бедная девочка, — словно шептал ее взгляд. — Ты думаешь, что первая? Что особенная? Ты такая же, как я. Слабая. Глупая. Обреченная.

Что-то внутри меня треснуло.

Не боль. Не стыд. Что-то совсем другое.

— Нет, — прошептала я, глядя на призрака.

Женщина слегка наклонила голову, словно не расслышала.

— НЕТ! — крикнула я уже громче, и мой голос эхом прокатился по коридору.

Я не такая, как она. Я не жертва. Я не буду стоять здесь и принимать чью-то жалость — будь то от живого тирана или мертвого призрака. Хватит. Хватит позволять всем вокруг решать, кто я такая и чего заслуживаю.

Ярость вспыхнула во мне, как лесной пожар. Жгучая, очищающая, дающая силы. Все унижение, вся боль последних недель свернулись в тугой узел где-то в области солнечного сплетения — и взорвались.

Призрак растаял, как утренний туман, но мне было плевать. Я уже разворачивалась и шла в противоположную сторону. К библиотеке. К нему.

Пусть думает, что сломал меня. Пусть думает, что я буду сидеть в углу и плакать, как побитая собачонка. Но я покажу ему, что значит настоящая борьба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.